

Фирс vs Труффальдино: зарисовки европейской и русской культуры

Александр Скиперских

Доктор политических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Пермь)
Адрес: ул. Студенческая, д. 38, г. Пермь, Пермский край, Российская Федерация 614070
E-mail: pisatels@mail.ru

В статье речь идет о взаимодействии власти и аппарата подчинения в различных культурных традициях. Автор противопоставляет европейскую практику рационального подчинения более фундаментальной практике подчинения, являющейся важной частью русской культуры. Рассуждая о практиках подчинения в культуре, автор противопоставляет собирательный образ слуги — европейца Труффальдино — лакею Фирсу — собирательному образу, бытующему в рамках русской культуры. Это извечные типажи служения, дополняющие друг друга и сливающиеся воедино. Каждый тип характерен для политических практик власти в той или иной культурной традиции. В статье рассматриваются сходства и различия в практиках служения в контексте выбираемых слугами поведенческих стратегий. Выбор стратегии, в свою очередь, связывается с формой принуждения. В условиях тоталитарного дискурса у слуги вряд ли остаются шансы на более или менее независимое позиционирование и высокую мобильность. Культурный контекст конструирует аппарат подчинения, его структуру и функционал. Рациональное бытие господина в европейской культуре может быть противопоставлено более размашистому хозяйствованию господина в русской культурной традиции. Уважительное отношение к слуге в европейской культуре, связанное с контрактным принципом служения, невозможно в русской культурной практике, где зависимость слуги от господина носит куда более фундаментальный характер.

Ключевые слова: власть, Европа, культура, Россия, слуга, сопротивление, традиция

Я говорил с лакеем: очень вежлив.

Карло Гольдони. «Слуга двух господ»

Власть всегда предполагает подчинение. Политические практики власти осуществляются при непосредственном участии не только тех, кто отдает команды, но и тех, на кого ориентированы приказы и предписания. В зависимости от культурного контекста власть представляется в различных интерьерах, пронизывая различные по количеству и функционалу иерархии. Власть постоянно нуждается в аппарате, который будет защищать ее тело. Именно отсюда, как когда-то отметил Э. Канетти, берет свое начало практика власти всячески отгораживаться от окружающего мира. Носитель власти конструирует плотную массу, защищающую его от «внезапного прикосновения» (Канетти, 1997: 18–21).

© Скиперских А. В., 2017

© Центр фундаментальной социологии, 2017

DOI: 10.17323/1728-192X-2017-2-180-194

В ходе исторического процесса наблюдается постоянная трансформация образа тех, кто обеспечивает бытие власти. Губернаторы, дворецкие и камердинеры уступают место представительным эскортам, спичрайтерам и телохранителям. В лицах слуг всегда проявляет себя конкретная культура. Слуги всегда характеризуют своего господина, выступая частью его юридического и физического тела. Кто, как не обычные слуги, связанные несвободой, призваны постоянно воспроизводить различные ситуации служения и необходимости его периодического превозмогания — отказа от зависимости от воли господина. Практики служения в различных культурах имеют сходства, равно как и различия, связанные со спецификой конкретных политических хронотопов. По ироничному замечанию итальянского политического философа Норберто Боббио, «раньше слуг одевали в ливреи, сейчас в спортивные костюмы» (Bobbio, 1996: 135).

Обращаясь к сюжетам европейской и русской культуры, автор пытается показать, как отличаются практики подчинения в европейской и русской культуре. В. Жирмунский справедливо отмечал, что «литература как идеологическая надстройка способна предоставлять аналогии на одинаковых ступенях общественного развития» (Жирмунский, 2004: 353). Изначальная связанность подчинением говорит о сходстве вынужденной участи слуги как в европейской, так и в русской культурной традиции. Необходимость служения господину в равной степени, с определенной условностью, может быть свойственна авантюрному Труффальдино из Бергамо и лакею Фирсу из «Вишневого сада» А. Чехова. На наш взгляд, оба героя — извечные типажи служения, в практиках которых могут присутствовать и рациональные и фундаментальные мотивы служения. В зависимости от ситуации они могут изобретать новые формы служения господину и мимикрировать с пользой для себя. Согласно подходу В. Жирмунского, сравнительная перспектива Труффальдино и Фирса может иметь историко-типологическое обоснование, потому как позволит установить «сходство генетически между собой не связанных явлений сходными условиями общественного развития» (Жирмунский, 2004: 352).

Стратегии подчинения: хитрость и молчание

Касаясь одного из самых главных отличий в практиках подчинения, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что европейская культура в большей степени предполагает мобильность и движение. Это находит подтверждение в быстрой смене социальных статусов, не говоря уже об открытых границах, способствующих расширению картины мира конкретного человека. Такое преимущество культуры характерно для поведения не только господ, но и их слуг. Конечно, в Средние века в Европе могли существовать политические и социальные практики, при которых однажды попавший в зависимость человек не мог избавиться от нее. Показателен пример сервов, некогда являвшихся наиболее зависимой и ограниченной в правах категорией крестьян, которые избавились от зависимости с помощью внесенного выкупа. В Европе подобное избавление от зависимости про-

изошло раньше, чем в России, что, несомненно, предопределило отношения к тем или иным выборам, в том числе и выборам формата служения своему господину.

В русской культурной традиции мобильность не выступает таким серьезным преимуществом, каким она является в европейской культуре. И если мобильность — это проблема для дворян (скажем, А. Пушкин никогда не был за границей), то что уж говорить о степени оседлости тех, кто волею судьбы был призван служить своим господам. Слуга в русской культуре не выглядит активным и деятельным, легко передвигающимся за своим господином в пространстве. Именно здесь кроются истоки его тотальной скованности и привязанность к земле.

Французский политический философ Андре Глюксман видел причину тотальной зависимости еще и в сервильном менталитете, который не является чем-то архаичным, а принадлежит настоящему, повторяясь в большом количестве ситуаций, «воспроизводящихся ежедневно» (Глюксман, 2006: 177). Слуги в русской культуре будут изначально уступать в мобильности своим европейским визави, которых ведет за собой склонный к передвижению господин.

Движение вслед за своим господином, характерное для слуги в европейской культуре, во многом служит причиной актуализации особых качеств, способствующих выживанию в условиях постоянной смены мест, перетекания, изменчивости политической конъюнктуры. Слуга должен быть сметливым и расчетливым, ему приходится ловчить и конкурировать. Так в образе слуги начинает проступать лукавый прищур трикстера.

Наоборот, в русской культурной практике бесправность холопа, его оседлое положение и отсутствие каких-либо зримо ощущаемых перспектив изменения своего статуса заставляют его занимать выжидательную позицию, формой которой являются тотальное молчание и угодничество.

Тотальность подчинения: «мягкая» и «жесткая» формы

Подчиненный связан со своим господином особым контрактом, у которого существуют формальные и неформальные стороны, по-своему отмечающие степень зависимости подчиненного от своего господина. На наш взгляд, зависимость может быть различной, будучи связанной с культурным контекстом. И Труффальдино, и Фирс прямо или косвенно участвуют в создании собственного контракта. Именно от их воли во многом зависят условия, качество и глубина подчинения. Зависимость может варьироваться от «мягкой» до «жесткой» формы.

Показательно определение холопа у В. Даля: «крепостной человек, купленный, раб... покорный, безответный служитель» (Даль, 1991: 559). Все оттенки смыслов указывают на тотальную зависимость холопа от установлений, диктуемых господином. Эта зависимость «жесткая». В европейской культуре, кажется, данная зависимость выглядит более «мягкой» и компромиссной. Отношения между господином и слугой предполагают куда более подробное определение, уточнение. Подчинение выглядит не таким безусловным, оставляя слуге некий люфт выбора.

В этой связи слуга начинает чувствовать максимум принуждения и издевательств, который он может допустить в отношении себя. В случае если границы дозволенного нарушаются, слуга может взбунтоваться и в одностороннем порядке расторгнуть контракт со своим господином. Он может быть достаточно честолюбивым, чтобы не позволить помыкать собой, четко представляя себе содержание контракта, связывающего его с господином. Он может не выполнить неприемлемого для него приказа господина (Камю, 1990: 124).

Между слугой и господином существуют экономические отношения. Господин обязан производить расчет со слугой, поэтому у слуги могут быть собственные средства, которыми он распоряжается по своему усмотрению. Появление новых практик культуры и социально-экономический прогресс могут даже несколько уравнивать возможности господина и слуги. Постоянная смена диспозиции приводит к тому, что уже сам слуга может выступать потребителем услуг — требовательным и капризным консьюмером. Как уже отмечалось, слуга довольно мобилен и может позволять себе периодическое расширение границ мира и языка. Продвижение вглубь культурных и политических горизонтов, их расширение и освоение значительно разрушают онтологическую связь с господином.

Высокая мобильность и правовые нормы оставляют слуге шансы на послабления. Это приводит к появлению неких лазеек, с помощью которых слуга избегает тотального закрепощения, смягчая давление на свое тело со стороны репрессивной машины господина.

В европейском фольклоре есть сюжеты, в которых слуга умудряется одновременно служить двум господам. Именно таков Труффальдино из Бергамо. Служба на двух господ требует высокой мобильности, остроумия и авантюризма. Подобные взаимоотношения невозможны без физической свободы. Сейчас это назвали бы подработкой. В то же время практически невозможно представить, что на подработке мог бы решиться абсолютно закрепощенный и зависимый человек.

Как уже отмечалось, слуга склонен походить на своего господина. Таков Лепорелло, стремящийся походить на Дона Жуана. Планше — слуга д'Артаньяна в «Трех мушкетерах» в некоторых ситуациях тоже напоминает своего господина. У рассудительного Атоса немногословный слуга Гримо. Слуга копирует образ жизни, стиль, политические практики своего господина. Именно в этом он его может устраивать. Показательно, что в «Легенде об Уленшпигеле» у фольклорного героя Фландрии — Тили Уленшпигеля в какой-то момент появляется слуга. Учитывая социальный портрет самого героя, это крайне интересная подробность.

«Мягкость» подчинения может вызывать участие слуги во всевозможных авантюрах своего господина. Пребывание рядом с авантюристом и рискованным господином требует такой же силы воли, выдумки и отваги, как и у самого господина. Слуга может быть раскрепощенным и развратным. Авантюризм требует некоторой свободы и отклонения от существующих установлений. В свою очередь, в европейской культурной практике слуга покушается на такие ценности, на которые вряд ли решится слуга в русской культуре. Даже в относительно «темные време-

на» зависимость от господина могла быть преодолена за счет пространственных и экономических спецификаций конкретного места, поэтому работа сопрягалась «с находками или открытием чего-либо» (Kolchin, 2003: 6).

«Мягкость» контракта в европейской культуре предполагает, что слуга — не крепостной, а наемный работник. Он в любой момент может уйти от своего работодателя и наняться к другому, посчитав условия нового контракта более выгодными для себя. Слуга выбирает наиболее рациональные решения и ни в коем случае не относится к нанявшему его господину как к хозяину, потому что прекрасно понимает границы дозволенного в отношении самого себя: «Свободный повинует, но не как слуга, имеет вождей, но не имеет хозяев; подчиняется законам, но только законам и именно благодаря законам не становится рабом», — вот так, несколько перефразируя Ж.-Ж. Руссо, итальянский политический философ М. Вироли комментирует условия существования обычного человека в европейской культуре (Вироли, 2014: 20).

«Жесткая» форма принуждения слуги говорит о том, что подчинение вечно. Холоп сличается с телом господина. Крепостное право практически полностью привязывает тело слуги к воле своего господина. Счет холопов идет на десятки и сотни, а документы представляют ценность для людей, подобных предприимчивому гоголевскому Чичикову. В «жесткой» форме заключается фундаментальность подчинения — его безапелляционность. В русской культуре это мощные патриархальные традиции и религиозность, способствующие легитимации власти. Власть обожествляется, что делает ее едва ли не единственной инстанцией упования зависимого от нее человека.

Контракт в русской культурной традиции, кажется, практически не имеет каких-либо документальных свидетельств. Сложно представить, что документальные свидетельства обладают какой-либо ценностью для тех, кто служит в русской культуре. По крайней мере, они не известны осуществляющим практики служения. Сложно допустить, что люди, носящие одни и те же фамилии и живущие всю жизнь в какой-нибудь деревне, принадлежащей несколько веков одной и той же семье, могут озадачиваться вопросами собственного статуса и поиском причин своего подчиненного положения. Отсутствие сравнивающего сознания не позволяет им предполагать существование где-то другой жизни. Труд в русской культуре становится весьма специфичным, приобретая оседлый характер, предполагающий «методическое вгрызание в землю» (Скиперских, 2016: 121–122). Страх изменений сковывает их, закрепощая и связывая волей господина. Отсюда — несколько «пренебрежительное отношение к смерти», транслируемое по каналам культуры от поколения к поколению (Brysacz, Morawieck, 2016).

Наряду с преимуществами высокая мобильность всегда означает риски для самой системы. Власти не могут быть выгодны кочующие и бродящие толпы людей, ищущих лучшей доли. В СССР сельским жителям стали выдавать паспорта только в 1974 году, при этом «запретив, правда, принимать их в городах на работу» (Жирнов, 2009). В этом — конкретная политика власти по отношению к селянам.

Крепостной нарратив сказывается в практиках власти в отношении подчиненных, и культурная память до сих пор хранит эти следы.

Аппарат подчинения: образы слуг в европейской и русской культуре

В европейской культуре обычна ситуация, когда субъект позиционируется в интерьере максимально функциональных вещей и предметов. Субъект в европейской культуре более экономичен, на наш взгляд, этим объясняется излишняя бережливость власти. Кроме того, власть функционирует в конкурентной среде, и ее действия контролируются оппозицией. Контроль за расходами на аппарат предохраняет власть от быстрого разорения. Рациональное отношение к собственному хозяйству проистекает из компактности территории власти. Для ее обслуживания нет смысла держать большой, многофункциональный двор.

В европейской культуре распространен семейный бизнес, не предполагающий излишней раздутости аппарата. Владельцы маленьких отелей и магазинов, баров и ресторанов не видят ничего зазорного в самостоятельном обслуживании клиентов. Наверное, в этом секреты европейского качества обслуживания. Клиент во многих случаях сталкивается либо с предельно заинтересованным собственником, либо с не менее мотивированными его помощниками.

Именно этим можно объяснить небольшую численность бюрократии в европейских политических практиках. Как отмечает немецкий исследователь З. Кракауэр, «структура иерархии служащих зависит от позиции хозяина предприятия» (Кракауэр, 2015: 46). Иными словами, именно хозяин структуры в целях достижения результативности работы самой конструкции подчинения может создавать достаточно гибкие и эластичные иерархии. Тем не менее, как правило, продвижение вверх по иерархии возможно только с самого низа иерархической пирамиды. В этом смысле применительно к европейской практике нет ничего удивительного в том, как биографические справки показывают профессиональный путь какого-нибудь состоявшегося человека исключительно с самого низа, с «грязных» профессий.

В практиках русской культуры совершенно иная специфика отношений господина и слуг. Движение на Восток — роскошный и демонстративный, логично требует довольно большого количества тех, кто обеспечивает презентацию блага и господина в качестве их распорядителя. При этом контракт на подчинение может быть очень неудобным и даже унижительным для тех, кто представляет аппарат власти, кто призван обслуживать блистательный шик политического пространства.

Минимальность слуг в европейской культурной традиции противопоставляется их множественности, находящей все больше примеров по мере авторитаризации политического дискурса, нарастающей к Востоку. Русская культурная традиция не выглядит исключением. Вспомним начало романа «Идиот» Ф. Достоевского, когда князь Мышкин планирует встретиться с генералом Епанчиным.

Князь должен преодолеть несколько инстанций власти — запутанную иерархию лакеев и секретарей (и, конечно же, Ганечку Иволгина), прежде чем аудиенция у генерала станет возможной. Налицо — «размазанность» двора, а отсюда и совершенно иные количественные характеристики самого бюрократического аппарата. В известном труде М. Восленского «Номенклатура» с особой тщательностью прописываются преимущества той или иной номенклатурной позиции, открывающей доступ к потребительским благам (Восленский, 2005). Остается только догадываться, какой сложный и многочисленный по своему составу и структуре аппарат обслуживания задействуется для обеспечения работоспособности номенклатурной иерархии.

В европейской и русской культуре различен и функционал слуг. Репертуар действий в европейской культуре — шире, в русской культуре — уже. Минимальность аппарата в европейской культуре компенсируется расширением функционала отдельно взятого слуги. В случае русской культуры, наоборот, по причине большого количества слуг, связанных с господином едва ли не навечно, вопрос эффективности не является превалирующим. Функция сужается до минимума. Само присутствие человека в качестве слуги, его номинализация — уже сами по себе становятся функцией.

В чеховской пьесе «Вишневый сад» таков камердинер Фирс, смотрящий за хозяйственными делами в «вишневой» усадьбе. Очень симптоматично представление Фирса в группе действующих лиц пьесы: «Фирс, лакей, старик 87 лет».

Находясь в почтенном возрасте, Фирс продолжает служить своим господам, органически вписываясь в усадебный мир. Жизнь лакея состоит в постоянном движении по иерархической лестнице служения, хотя каждый новый уровень не означает расширения гражданских прав и свобод. Иерархическая структура предполагает, что чем старше слуга, тем более высокий пост в системе дворовых слуг он может занимать. Фирс «вырастает» в иерархии подчинения до старшего камердинера и чрезвычайно гордится этим. Кажется, что его жизненная стратегия достигла некоего максимума. Чем ближе к хозяину, тем сладостнее трепет подчинения. Пример Фирса подтверждает присутствие и рационального, и фундаментального в мотивах его подчинения.

Есть редкие практики фиксации собственных откровений, безусловно, говорящие о том, что некоторые слуги становятся достаточно образованными. Можно вспомнить пушкинского Савельича из «Капитанской дочки», получившего письмо от барина и ответившего на него. Степень близости Савельича к молодому Петру Гринёву, возможно, является неким апофеозом служения и любви к своему господину.

В целом зависимость от господина в русской культуре настолько сильна, что любые попытки изменения данного состояния трагичны для лакея. Глубокая укорененность в хронотопе усадьбы для лакея — вполне естественное состояние. Показательно, что в русской культуре слуг забывают, оставляют в усадьбах на зиму,

предоставляя самим себе. Так и Фирса забывают в усадьбе после того, как состоялась сделка по вишневному саду.

В европейской культуре, наоборот, слуги могут быть в большей степени высвобождены от необходимости постоянного присутствия в хронотопе своего господина. В европейской культурной традиции слуга четко представляет себе, что он должен делать, и пытается выкраивать в своем графике свободные часы исключительно на себя. Возможно, это связано со свободным передвижением в городском пространстве, стремлением участвовать в нем. Слуга ощущает необходимость сличения с городским телом, он в первую очередь ощущает себя горожанином. Горожанин — это покупатель продуктов и услуг. Если слуги были свободны от работы на своих господ, они могли являться частью гражданского общества, выливающегося на улицы, кабаки, балаганы. В европейской традиции горожане стремятся почувствовать свою принадлежность к проводимой политике, что справедливо отмечают некоторые авторы: «Бороться с отдельными феодалами или даже с феодалными группировками европейским горожанам было легче, нежели, скажем, горожанам на Востоке противостоять сильному и централизованному государственному аппарату» (Фадеева, 2001: 56). Вот почему в европейской культуре хронотоп центральной площади оказывается таким притягательным. Именно в его рамках «все высшие инстанции — от государства до истины — были конкретно представлены и воплощены, были зримо наличны» (Бахтин, 1975: 282). Они тяготеют к публичной сфере и с удовольствием тратят в ней свое время. Служба в европейской культурной традиции, на наш взгляд, в большей степени напоминает саму политику и присущую ей динамику и неопределенность, базирующуюся на договорном начале и дискуссии.

Предположим, что именно в подобных хронотопах может периодически обдумывать свои проделки верткий лжец — Труффальдино, успевавший служить двум господам одновременно. Органичен в данных хронотопах и герой фламандского фольклора — Тиль Уленшпигель. Уленшпигель самостоятельно распоряжается собственным временем, не отказывая себе в посиделках в каких-либо заведениях за кружкой пива и вкусным обедом. Вот почему автор так тщательно порой описывает гастрономические ощущения Уленшпигеля. Он не отказывается и от подработок, меняя их по мере повествования несколько раз. Любопытно, что в тот момент, когда его личное состояние позволяет нанять слугу, он немедленно делает это.

Наличие иерархии подчинения как будто бы намекает на различную степень зависимости от власти. Личное присутствие в пространстве господина может варьироваться от постоянного до периодического. Решение о снижении бремени подчинения предпринимает Онегин у А. Пушкина, о чем говорит известная фигура о замене «ярма барщины старинной легким оброком» (Пушкин, 1986: 210). Европейская практика подчинения — прерывистая и рациональная — чувствуется в рассуждениях Чацкого у А. Грибоедова, в вольнолюбивой дерзости которого узнается Петр Чаадаев. Опыт знакомства с европейской традицией приносит плоды, и

в речах Чацкого появляются либеральные нотки. Служение обладает определенной целесообразностью, когда оно касается государственных дел. Чацкий различает общественную «службу» и «прислуживание» господину в известной фигуре: «Служить бы рад, прислуживаться тошно»¹.

Русская культура знает много примеров, когда практика «прислуживания», казалось бы, не предполагающая тотализации, вызывает привыкание, превращаясь в обязанность, в жизненный стиль. В легких и вульгаризованных формах обязательства по отношению к сильному субъекту скрывается перспектива медленной и глубокой привязанности. Тело господина превращается в навязчивую идею, постоянное напоминание, проявляясь всюду и преследуя объект власти. Лики тоталитарной культуры прорисовываются практически везде, подстерегая заложника несвободной страны — от названия метрополитена в Москве до Сталинской премии. Тоталитарные смыслы реанимируются и в новых практиках конструирования мемориальной культуры в духе *soft power*. Российской власти сегодня может быть выгодна установка памятников вождям, вторгнувшимся в городское пространство Москвы и Орла.

Реакция общества не выглядит настолько бурной и негодующей, чтобы власть смогла пересмотреть свое решение. Общество предпочитает промолчать — именно так говорит в нем культурная память. Выбор в пользу молчания оказывается эффективной стратегией выживания, что, по мнению И. Берлина, во многом объясняет саму культуру как «молчащую» (Берлин, 2001: 336–365). Английский политический философ в одном из своих политических эссе 1957 года представил «молчащим» пантеон известных деятелей русской и советской культуры, увидев в тактике молчания зловещую имперскую преемственность. Нужно понимать, что в данной системе координат выбор может быть не таким уж и большим, потому как изначально «экономическая организация и религиозная идеология не оставили места каким-либо проявлениям индивидуализма» (Фадеева, 2001: 117). Как и в случае Фирса, рациональные и фундаментальные мотивы подчинения переплетаются, подтверждая присутствие и одного, и другого типа подчинения в самой культуре.

Находясь в системе тоталитарных и авторитарных координат, гражданин рано или поздно может оказаться в состоянии необходимости постоянного одобрения выборов и действий государственной машины, начинающегося с молчаливого одобрения. Как здесь не вспомнить известное выражение С. Довлатова о «четырех миллионах доносов»? «Полстраны — охранники» и «полстраны — доносчики» — признается в одном из стихотворений Р. Рождественский.

1. В начале ноября 2016 г. известная фигура из «Горя от ума» А. Грибоедова была перефразирована депутатом Госдумы ФС РФ созыва Натальей Поклонской в эфире радиостанции «Вести ФМ», что вызвало серьезный общественный резонанс. Высказывание Н. Поклонской, приписанное русскому полководцу А. Суворову, показывает, что его автор выбирает режимы собственного позиционирования, выбирая между «служением» и «прислуживанием».

Слуга и холоп в хронотопах власти: сходства и различия

Слуга и холоп находятся в непосредственной близости от своего господина, готовые моментально удовлетворить его прихоть. Дистанция, разделяющая объекта и субъекта власти, является тем позволительным расстоянием, на которое возможно отдаляться подчиненному.

В европейской культурной традиции компактность пространства власти предполагает, что у слуги может быть меньше возможности ускользнуть от своего господина. Слуга должен быть постоянно на виду, время с момента желания господина видеть слугу до непосредственного его объявления перед господином должно быть минимальным. Стремление обеспечить подобную непрерывность команды технологизируется. Так появляется колокольчик для вызова слуг, сонетка над кроватью, тревожная кнопка и т. д. Если до слуги трудно докричаться, он должен реагировать на звук, на поступающий от господина сигнал.

Слуга может выступать еще и в качестве оруженосца, он снаряжает господина в опасную дорогу. Для слуги в личном пространстве господина всегда должно находиться место. В европейской культурной практике слуги допускаются в мир хозяев — они довольно многое могут себе позволить. Слуги иногда оказываются доверителями своих господ и вместе с ними проживают жизненные циклы практически полностью. В европейской практике слуга в полной мере присутствует в тех же хронотопах, что и его господин. Слуга свободно передвигается по дому и пользуется той же лестницей, что и сам господин. Применительно к европейской культурной традиции нет четкого деления на «черную» и «белую» половины дома как в русской культуре, где для господ и слуг существуют отдельные входы и лестницы.

Невысокая численность аппарата слуг в европейской культуре предполагает, что каждый слуга визуально узнаваем и пользуется определенным вниманием со стороны господина. Слуг, находящихся непосредственно возле господина, могут называть по имени, в отличие от тех, кто служит на периферии. Безусловно, эта объективация культуры вряд ли подтверждается на примере культуры, в основании которой лежит тоталитарный текст. В тоталитарной культуре перед нами предстает обезличенная масса людей. Уникальные черты каждого, кто составляет ее, не заслуживают внимания. Внимание к отдельно взятому человеку не является центральной и принципиальной темой в русской культуре. Стоит вчитаться в названия деревень в современной России. Топонимика их за редким исключением выглядит вполне предсказуемой. Разве не может не удивлять и одновременно настораживать большое количество в современной России деревень с названием Ивановка, Васильевка или Петровка? На наш взгляд, это достаточно очевидное доказательство реакции культуры на практики подчинения.

Влияние власти распространяется на все пространство, хотя ее сигнал может ослабевать по мере достижения периферии, когда перед глазами не мелькает лакейский кафтан. Присутствуя в хронотопах власти, слуги тяготеют к периферии

политического пространства, где сигнал власти не выглядит таким очевидным. Слуги коротают время в клетушках под лестницами, в погребе, на кухнях, на сеновале и т. д. Можно бесконечно воображать себе пространства, где натруженное тело слуги наконец-то может позволить себе долгожданное отдохновение. Увеличение от работы свойственно тоталитарной культуре, потому как работа в ее рамках вряд ли может доставлять удовольствие.

Андре Жид, посещавший СССР в 1936 году, отмечал: снижение бдительности в присмотре за советскими рабочими моментально приводит к тому, что они «тотчас же расслабляются» (Жид, 1990: 533). В случае тоталитарной культуры господином становится *государство*, но и оно не в силах в полной мере проконтролировать общественное тело. Нужно понимать, что пространство, контролируемое им, включает в себя и те углы и потаенные места, где ему никогда и не приходилось бывать. Правда, это вовсе не означает, что оно не принадлежит ему. Просто у него может вдруг объявиться новый, неформальный хозяин — слуга, с удовольствием стремящийся обжить эту потаенную нишу. М. Бахтин как-то отметил, что хитрые слуги создают вокруг себя «особые мирки, особые хронотопы» (Бахтин, 1975: 307). В каком-то смысле это подтверждает и Р. Барт, говоря, что «челядь... парадоксальным образом определяется именно своей свободой» (Барт, 1991: 315).

Наряду с различиями в практиках подчинения, демонстрируемыми в культуре, существуют и сходства. Они связаны с позицией власти, с доминированием господина над слугой, элиты над массой. И в европейской, и в русской культуре рациональное и фундаментальное в мотивах подчинения может быть одинаково свойственно тем, кто призван быть исполнителем воли своего господина.

Показательна позиция слуги относительно господина в случае производства власти. Слуга располагается либо справа, либо слева, либо впереди, либо сзади. Господин находится в кольце слуг, охраняющих его, используя метафору Э. Канетти, от «нежелательного прикосновения» (Канетти, 1997: 18–21). Господин всегда дает понять, какое прикосновение может быть ему приятно.

Позиция господина всегда выражена таким образом, что ему приходится чувствовать ее преимущество. Господин всегда в центре — вокруг него, как правило, те, кто обладает куда меньшей влиятельностью, нежели он. Это можно заметить на примере того, как рассаживаются представители власти на торжественных собраниях, обедах, банкетах, приемах. Слугам не место за столом — они безропотно подают блюда и замирают с опалами. Но и в рассаживании представителей власти за столом есть свои правила — господина легко узнать по тому вниманию, которое обращено на него. Он — в центре праздника. Когда он говорит — другие молчат. Когда он заканчивает рассказывать анекдот — другие должны смеяться, причем громче и выразительнее всего смеются те, кто в большей степени готов продемонстрировать свою услужливость.

Устойчивость позиции в полной мере определяется политической конъюнктурой. Слуга обладает особой чувствительностью к переменам, что может нарушать привычные практики позиционирования. Озлобление, накапливающееся за дол-

гие годы служения, начинает постепенно выходить наружу. В текстах немецкого философа М. Шелера встречаются аналогии с поведением слуги, периодически подвергающегося унижению и насмешкам со стороны своего господина: М. Шелер считал, что озлобление накапливается в том случае, если слуга должен «будет делать „хорошую мину при плохой игре“, затаив в себе отрицательные, враждебные аффекты» (Шелер, 1999: 18–19). Что-то подобное испытывает лакей, хлопающий дверцей кареты в «Петербурге» А. Белого. Привычка подчинения передается вместе с ресентиментом — ненавистью к тем, кого приходится обслуживать.

Подобные черты во многом заимствует и советская культура. Именно отсюда, как считает Лидия Гинзбург, берет отсчет «чрезвычайная нервность и грубость проводников, уборщиц, официанток, санитарок — особенно в учреждениях, где на чай не дают или дают невесомо мало. У них вырабатывается нечто вроде личной ненависти и физического отвращения к обслуживаемому» (Гинзбург, 1989: 238).

Таким образом, неизбежность подчинения оказывается объективной реальностью, равно как и явление самой власти, которая, следуя мысли Р. Барта, «гнездится в любом дискурсе, даже если он рожден в сфере безвластия» (Барт, 1989: 47).

Реакция на властный импульс может приводить и к более деструктивным последствиям для самой власти. Недостаток легитимности может способствовать развитию сопротивления, ставящего под сомнение оправданность претензий власти на контроль над политическим пространством. В нашем случае речь идет о предсказуемой реакции на властный импульс, потому как подчинение, по сути дела, означает согласие с властным приказом. Тем не менее, подобно тому, как власть и ее институты могут представляться в различных образах в зависимости от культурной традиции, так и структуры подчинения оказываются очень сильно зависимыми от культурного контекста. Соответственно, различие в практиках принуждения в культурах порождает различие в практиках подчинения, для обеспечения которого могут быть востребованы различные поведенческие стратегии. В образах Труффальдино и Фирса — извечных типажах служения — могут быть заключены целые национальные философии подчинения. Обращение к ряду сюжетов европейской и русской культуры показывает, какие сходства и различия практик служения наблюдались и наблюдаются в политическом пространстве. Отмеченные особенности достаточно симптоматичны и характеризуют политический опыт в том или ином хронотопе культуры.

Литература

Барт Р. (1989). Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс.

Бахтин М. (1975). Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература.

Берлин И. (2001). История свободы. Россия. М.: Новое литературное обозрение.

Вироли М. (2014). Свобода слуг / Пер. с итал. И. Кушнарева. М.: НИУ ВШЭ.

- Восленский М.* (2005). Номенклатура. М.: Захаров.
- Гинзбург Л.* (1989). Человек за письменным столом. Л.: Советский писатель.
- Глюксман А.* (2006). Достоевский на Манхэттене / Пер. с франц. В. Бабинцева. Екатеринбург: У-Фактория.
- Даль В.* (1991). Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.: Русский язык.
- Жид А.* (1990). Подземелья Ватикана. Фальшивомонетчики. Возвращение из СССР. М.: Московский рабочий.
- Жирмунский В. М.* (2004). Фольклор Запада и Востока: сравнительно-исторические очерки. М.: ОГИ.
- Жирнов Е.* (2009). «Не имеют права на паспорт 37 процентов граждан» // Коммерсантъ-Власть. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1147485> (дата доступа: 25.10.2016).
- Канетти Э.* (1997). Масса и власть / Пер. с нем. Л. Ионина. М.: Ad Marginem.
- Камю А.* (1990). Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / Пер. с франц. И. Я. Волевича, Ю. М. Денисова, А. М. Руткевича, Ю. Н. Стефанова. М.: Политиздат.
- Кракауэр Э.* (2015). Служащие: из жизни современной Германии / Пер. с нем. О. Мичковского. Екатеринбург: Кабинетный ученый.
- Скиперских А. В.* (2016). Право на бунт в культурной традиции: европейский и русский контекст. М.: Инфра-М.
- Пушкин А. С.* (1986). Сочинения в трех томах. Т. 2. М.: Художественная литература.
- Фадеева И. Л.* (2001). Концепция власти на Ближнем Востоке. Средневековье и Новое время. М.: Восточная литература.
- Шелер М.* (1999). Ресентимент в структуре моралей / Пер. с нем. А. Н. Малинкина. СПб.: Наука.
- Bryszacz P., Morawiecki J.* (2016). Путин в тупике. Интервью с К. Курчаб-Редлих. URL: <http://inosmi.ru/politic/20160628/236997460.html> (дата доступа: 26.10.2016).
- Bobbio N.* (1996). Grandi speranze, grandi timori // Tra due repubbliche: alle origini della democrazia italiana. Roma: Donzelli. R. 134–137.
- Kolchin P.* (2003). American Slavery, 1619–1877. New York: Hill and Wang.

Fiers vs Truffaldino: Sketches of Russian and European Culture

Aleksandr Skiperskikh

Doctor of Political Science, Professor, Humanities Department, National Research University Higher School of Economics (Perm)

Address: Studencheskaya str., 38, Perm, Russian Federation 614070

E-mail: pisatels@mail.ru

In this article, we discuss the interaction of those in positions of power and the subordination of the servant in different cultural traditions. The author contrasts the European practice of rational subordination with the subordination in the more fundamental practice of Russian culture. Speaking about the practices of subordination in the culture, the author is inclined to contrast the collective image of the European servant provided by Truffaldino with the popular collective image of the lackey within the framework of Russian culture as provided by Fiers. The author believes that these primeval service-providers possess features that complement each other and become one. As well, each type mentioned may be specific to the political practices of those in power in a particular cultural tradition. The author examines the similarities and differences in the practical services of the chosen servants in the context of behavioral strategies in detail. Selection strategy, in turn, is communicated within defined constraints. In totalitarian discourse conditions, the servants are unlikely to have a chance of achieving a more-or-less independent positioning or high mobility. The cultural context constructs a hierarchical submission, its structure, and functionality. Therefore, the rational life in European culture can be contrasted with the more-sweeping economic style taking place in Russian cultural tradition. The respect for the servant in the European culture associated with the contractual principle of service is impossible in Russian cultural practice, where the dependence of the servants on the lord seems to be much more fundamental.

Keywords: power, Europe, culture, Russia, servant, resistance, tradition

References

- Barthes R. (1989) *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics], Moscow: Progress.
- Bakhtin M. (1975) *Voprosy literatury i ehstetiki* [Issues of Literature and Aesthetics], Moscow: Hudozhestvennaya literatura.
- Berlin I. (2001) *Istoriya svobody. Rossiya* [The History of Freedom. Russia], Moscow: New Literary Observer.
- Bobbio N. (1996) Grandi speranze, grandi timori. *Tra due repubbliche: alle origini della democrazia italiana* (ed. T. Greco), Roma: Donzelli, pp. 134–137.
- Brysacz P., Morawiecki J. (2016) Putin v tupike: interv'y u s K. Kurchab-Redlih [Putin at a Dead End: Interview with Kristina Kurchab-Redlih]. Available at: <http://inosmi.ru/politic/20160628/236997460.html> (accessed 25 November 2016).
- Camus A. (1990) *Buntuyushchij chelovek: Filosofiya. Politika. Iskusstvo* [The Rebel: Philosophy. Politics. Art], Moscow: Politizdat.
- Canetti E. (1997) *Massa i vlast* [Masse and Power], Moscow: Ad Marginem.
- Dal V. (1991) *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T. 4* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language, Vol. 4], Moscow: Russky yazyk.
- Fadeeva I. (2001) *Koncepciya vlasti na blizhnem vostoke: srednevekove i novoe vremya* [The Concept of Power in the Middle East: The Middle Ages and the Modern], Moscow: Vostochnaya literatura.
- Gide A. (1990) *Podzemel'ya Vatikana. Fal'shivomonetchiki. Vozvrashchenie iz SSSR* [Dungeons of the Vatican. Counterfeiters. Return from the USSR], Moscow: Moskovsky rabochy.
- Ginzburg L. (1989) *Chelovek za pis'mennym stolom* [Man at the Desk], Leningrad: Sovetsky pisatel.
- Glucksmann A. (2006) *Dostoevskij na Manhehttene* [Dostoyevsky in Manhattan], Ekaterinburg: U-Faktoriya.
- Kolchin P. (2003) *American Slavery, 1619-1877*, New York: Hill and Wang.
- Kracauer S. (2015) *Sluzhashchie: iz zhizni sovremennoj Germanii* [Die Angestellten: Aus dem neuesten Deutschland], Ekaterinburg: Kabinetny uchony.
- Pushkin A. (1986) *Sochineniya. T. 2* [Works, Vol. 2], Moscow: Hudozhestvennaya literatura.
- Scheler M. (1999) *Resentiment v strukture morale* [The Ressentiment in the Structure of Morality], Saint Petersburg: Nauka.
- Skiperskikh A. (2016) *Pravo na bunt v kul'turnoj tradicii: evropejskij i russkij kontekst* [Right to Revolt in Cultural Tradition: European and Russian Context], Moscow: Infra-M.
- Viroli M. (2014) *Svoboda slug* [The Freedom of Servants], Moscow: HSE.

Voslensky M. (2005) *Nomenklatura* [Nomenclature], Moscow: Zakharov.

Zhirnov E. (2009) Ne imeyut prava na pasport 37 procentov grazhdan [37 Percent of Citizens Do not Have the Right to a Passport]. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/1147485> (accessed 25 November 2016).